

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ШМИНИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Между надеждой и живыми человеческими чувствами

Казалось, наступил великий день всеобщего торжества. Святилище, первый в истории Израиля дом коллективного поклонения Б-гу, достроено. Все приготовления завершены. В течение семи дней Моше совершал посвящение. И вот наступил восьмой день, 1 нисана. Священники во главе с Аароном готовы начать служение.

Но происходит трагедия. Двое из сыновей Аарона, Надав и Авиу, принесли «чуждый огонь, чего Он им [делать] не велел». Огонь, «вышедший от Г-спода», сжег их, и они погибли.

Затем мы видим две сцены с участием Моше и Аарона. Вот первая: «Сказал Моше Аарону: “Вот о чем говорил Г-сподь: ‘На близких ко Мне Я явлю Свою святость, перед всем народом Я прославлюсь!’” Аарон безмолвствовал» (Ваикра, 10:3).

Затем Моше распорядился убрать тела погибших, запретил Аарону и его оставшимся в живых сыновьям совершать по ним траурные обряды. Дал еще несколько указаний, чтобы предотвратить повторение подобных трагедий в будущем, а затем проверил, все ли назначенные жертвы в этот день совершены. И тут Моше

обнаруживает: Аарон и его сыновья сожгли жертву за грех, хотя им было предписано ее съесть: «Моше стал искать козла, [закланного] как жертва за грех, но оказалось, что тот сожжен. [Моше] разгневался на Эльзара и Итамара, оставшихся сыновей Аарона, и сказал им: “Почему вы не съели эту жертву за грех на святом месте? Ведь она – святыня святынь! Она дана вам, чтобы вы снимали вину с общины, совершая за них искупление пред Г-сподом. Ее кровь не была внесена внутрь Святилища, и вы должны были съесть ее в Святилище, как я повелел!”

Но Аарон сказал Моше: “Сегодня они принесли жертву за грех и жертву всесожжения пред Г-сподом, а меня постигло такое горе. Если бы я сегодня ел жертву за грех, неужели это было бы угодно Г-споду?” Моше выслушал [брата] и согласился» (Ваикра, 10:16–20).

Не будем останавливаться на подробностях этих диалогов. Какой психологизм – потрясающе интересно! Моше пытается утешить брата, потерявшего двух сыновей. Передает ему слова Б-га: «На близких ко Мне Я явлю Свою святость».

Согласно Раши, Моше сказал: «Теперь я понимаю, что они [Надав и Авиу] были лучше нас с тобой»¹.

Чем больше в человеке святости, тем требовательнее к нему Б-г. В сущности, Моше говорит Аарону: «Брат мой, ты не должен теперь разочароваться и все бросить. Мы далеко продвинулись. Мы достигли больших высот. Понимаю, сердце у тебя разрывается. И у меня тоже. Мы-то думали, и ты, и я, что все наши беды позади, что после всех страданий в Египте, у Тростникового моря, при битве с Амалеком и в день греха с золотым тельцом, мы наконец-то обрели безопасность и свободу. Но тут стряслась такая беда. Аарон, не разочаровывайся, не теряй веру, не отчаивайся. Твои сыновья умерли не потому, что были нечестивцами. Наоборот, дело в их святости. Их поступок был ошибочным, но они руководствовались благими намерениями. Просто переусердствовали».

И все же, хотя Моше утешал его, «Аарон безмолвствовал», его бездонная скорбь была невыразима словами.

Во втором диалоге Моше беспокоится уже не за брата, а за общину, грехи которой должна была искупить жертва за грех, но этого не случилось. По сути, Моше говорит Аарону: «Брат мой, я понимаю, что тебя снедает горе. Но ты не только живой человек, но и первосвященник. Народу необходимо, чтобы ты, какие бы чувства в тебе ни кипели, выполнял свои обязанности». Аарон отвечает: «Если бы я сегодня ел жертву за грех, неужели это было бы угодно Г-споду?»

Мы можем лишь догадываться о точном смысле этих слов. Возможно, подразумевается: «Я знаю, что первосвященнику в принципе запрещено выражать скорбь так, как делают это

обычные люди. Таков закон, и я его признаю. Но если бы сегодня, в день освящения Святилища, я вел себя так, словно ничего не стряслось, словно мои сыновья не умерли, то, согласись, народ посчитал бы меня бессердечным, показалось бы, будто человеческая жизнь и смерть ничего не значат, будто служение Б-гу означает, что я отрекся от своей человечности».

На этот раз безмолвствует Моше. Аарон прав, и Моше это понимает.

В диалоге между братьями рождается невероятное мужество. Мужество Аарона: он настолько силен духом, что скорбит, не соблазняясь скорыми утешениями. И мужество Моше: он настолько силен духом, что, невзирая на скорбь, не разочаровывается, идет по жизни дальше.

Я почти уверен, что именно здесь мы присутствуем при зарождении той особой гаммы эмоций, которая будет характерна для еврейского народа в последующие столетия. Еврейский народ претерпел на редкость много страданий. Но, как и в Аароне, это не убило в евреях способность переживать человеческие чувства. Евреи не допустили, чтобы их способность скорбеть притупилась, атрофировалась, вытеснилась бесчувствием. И при этом они сохранили способность не отчаиваться, продолжать жить, надеяться. Подобно Моше, они никогда не утрачивали веры в Б-га. Но, подобно Аарону, никогда не позволяли, чтобы эта вера оказала эффект анестезии, превратила их в бесчувственные машины.

Мне представляется, что эти качества еврейский народ проявил и после Холокоста. Не было и нет таких слов, которые властны унять горестные вопли, осушить слезы. Мы можем говорить, совсем как говорил Аарону Моше, что жертвы

¹ Тора с комментарием Раши. М.: Книжники; Лехаим, 2017. Т. 3. Ваикра. С. 133. — Примеч. перев.

Холокоста были безвинными святыми людьми и умерли «аль кидуш а-Шем» («ради освящения имени Б-га»). Это истинная правда. И все же «Аарон безмолвствовал». Даже когда все причины объяснены и все утешительные слова сказаны, горе не проходит, не стихает. Иначе мы были бы бесчувственными машинами, а не людьми.

Кстати, именно эту мысль доносит до нас книга Иова. Друзья, утешавшие Иова, руководствовались благочестивыми намерениями, но Б-г оценил горе Иова выше, чем их попытки найти оправдания трагедии.

Но еврейский народ, подобно Моше, нашел в себе силы продолжить путь, восславить надежду перед лицом отчаяния, жизнь в неотлучном присутствии смерти. Еврейский народ заглянул в глаза Ангелу

Смерти. А всего три года спустя основал Государство Израиль, тем самым громче всего за последние две тысячи лет провозгласив: «Ам Исраэль хай» («Еврейский народ жив»).

Моше и Аарон были словно два полушария еврейского мозга: одно отвечает за человеческие эмоции, второе — за веру в Б-га, в завет, в будущее. Без «полушария Моше» мы утратили бы надежду. Без «полушария Аарона» — чувства, которые делают нас живыми людьми.

Нелегко сохранять баланс между этими полушариями, чтобы ни одно не перевешивало. Но баланс очень важен. Вера не делает нас неуязвимыми перед трагедиями. Она дает нам силы скорбеть, а затем, невзирая ни на что, идти по жизни дальше.